

Те, кого испугаются твари

Автор:

Владимир Мясоедов

Те, кого испугаются твари

Владимир Михайлович Мясоедов

Мир изменился буквально за одни сутки. Миллиарды людей ощутили это на себе, но никто не знал – в чем причина этих изменений?

Не знал и Андрей Ковальский, который однажды проснулся от того, что у него горели кисти рук. Странное это было пламя. Андрея оно не обжигало, но стоило ему прикоснуться к постели, как та начинала дымиться. Но и это еще не все! Ошеломленный произошедшими с ним переменами, Андрей не поверил собственным глазам, когда увидел пролетающего над поселком дракона с человеком в пасти. И это было лишь начало приключений, которые выпали на долю одного из тех, кого испугаются твари...

Владимир Мясоедов

Те, кого испугаются твари

Пролог

Кил-Джеад, помощник и телохранитель секретаря одного из сенаторов Империи Второго Солнца, был поглощен работой. Представителей его расы даже в официальных документах именовали не иначе как птицелюдьми – их кожу, кроме лица, покрывали перья. Сородичей Кил-Джеада считали существами

агрессивными и тупыми, но в то же время бесконечно верными своим хозяевам и очень честными. Мнение об агрессивности и тупости было результатом пропаганды – государство проводило расистскую политику по отношению к непрестанно боровшемуся за независимость пернатому народу. Имевшему, кстати, самоназвание куля. Хотя почти никто не утруждал себя тем, чтобы его запомнить. А вот представления о верности и честности птицелюдей были вполне справедливыми. Шаманы куля в ходе ритуала инициации юношей и девушек делали так, что в дальнейшем при любой попытке солгать те испытывали страшную боль. А без возможности врать как можно интриговать и предавать? Бюрократы всех мастей, в том числе и самые высокопоставленные, очень ценили не способных служить сразу двум хозяевам рабов-куля. И прощали им за хорошую работу все, даже бывшее участие в освободительном движении. Правда, большинство птицелюдей оставались дикарями, которых едва коснулась цивилизация. Да, они умели драться и колдовать, но не умели ни читать, ни писать, ни считать.

Однако Кил-Джеад – сын одного из наиболее просвещенных цивилизацией и противостоянием с захватчиками вождей – отличался от многих других куля. Его не подвергли обработке в ходе инициации, наняли учителей – представителей других рас, и те научили его выдавать правду со смещенными в нужную сторону акцентами. И сейчас ученик профессиональных лжецов был занят очень важным делом – он правил речь, с которой господин его господина будет выступать перед сенатом и императором. Внести существенные изменения в государственный документ Кил-Джеад рискнул впервые. А потому жутко нервничал и, чтобы хоть как-то справиться с волнением, говорил сам с собой.

– Жители Империи Второго Солнца называют нас животными! – бурчал раб-куля себе под нос, сдувая лезущую в глаза непокорную прядь длинных черных волос. Не своих, а из парика. Перья птицелюдей чем-то царапали взор аристократов. А благородные были скоры на расправу с вызвавшими их неудовольствие слугами. И хотя замаскировать свою принадлежность к расе куля полностью не удалось бы никому, но сокрытие самых очевидных отличий здорово облегчало жизнь птицелюдям. Высовывающийся из рукавов пух хозяева империи не считали нужным замечать. – Ха! Неучи! Если представители какого-то вида скрещиваются между собой и дают плодовитое потомство, то об их принадлежности к разным расам говорить просто нелепо! А значит, называя зверьми нас, они объявляют тупой скотиной и себя! Человечи могут скрещиваться со всеми известными разумными. Со всеми! С эльфами, орками, гоблинами, троллями, великанами...

За спиной скрипнуло. Кил-Джеад обернулся и бросил взгляд на стоявшего у стены охранника, являвшегося примером такого скрещивания. Черные глаза, размером с блюдце каждый, вопросительно глянули в ответ. Охранника помещения, где обсуждались важные дела, давным-давно сделали глухим, чтобы он не мог ничего подслушать и разболтать. А читать по губам этот громила не умел.

Кил-Джеад жестами приказал ему закрыть приоткрывшуюся от сквозняка дверь и продолжал бурчать:

– Да даже с драконидами, кентаврами, медузами, минотаврами и инсектоидами, которые уж совсем на нас не похожи. И уже в третьем поколении потомки такого гибрида, если будут создавать союзы с людьми, могут не заморачиваться со своей биологической идентификацией. И скрещиваться со всем, что шевелится, словно чистокровные люди. – Кил-Джеад помолчал, вчитываясь в текст ну просто очень важного доклада. – Как же лучше здесь написать? «В армиях этих держав служат тысячи воинов, но ни один из них не знает блеска благородной стали»? Или, может, лучше подоступней, чтобы до самого тупого сенатора, давно пропившего все мозги на гулянках, дошло? «Без своих артефактов, которые сломаются с возвращением в мир Первого Солнца магии, корежащей их убогую алхимию, любое войско станет лишь скопищем молодых и здоровых беззащитных рабов»? Да! Так и напишем!

Довольно улыбнувшись, Кил-Джеад продолжил работу. Он являлся настоящим патриотом. За малейший шанс забить в глотку угнетателям, жадным до новых завоеваний и богатств, кусок, который те не смогут прожевать и подохнут, он был готов потерять и честь, и жизнь, и даже, в случае необходимости, душу. Кил-Джеад изменял текст выступления таким образом, что преувеличивал силы верных подданных императора и перечислял слабости противника без упоминаний его преимуществ. Когда-нибудь такой грандиозный обман, несомненно, раскроют. Но если это случится слишком поздно... О! Тогда уж поработители получат удар, от которого как минимум долго не смогут оправиться.

– Жалкие воры и глупцы, вот кто вы такие, жители Империи... – процедил он, выводя, несмотря на волнение, безупречно ровные строчки. Его мастерство заставило бы даже самого придирчивого преподавателя каллиграфии плакать от умиления. – Тысячи лет крали у мира Первого Солнца, откуда некогда бежали,

трусливо поджав хвост, всю его магию. Боялись туда сунуться. Заставляли потомков своих врагов медленно деградировать в изолированной от иных планов бытия реальности. Три мира, кроме нее, ныне являются вашими колониями на деле. И еще четыре на словах, ведь жители их убивают захватчиков там, где с ними встречаются. А главный мошенник и пройдоха, сидящий на троне, является достойным потомком своих предков. Ведь он растерял последние крупницы мощи и знаний прошлых эпох. Теперь, после того как вымерла старая династия, никто не способен выкачать из монолитов, куда стекается украденная мана, ни крупницы силы. И они начинают из-за переполнения взрываться...

Прервавшись, помощник секретаря и его же телохранитель покосился за окно, на далекую беломраморную громаду дворца, отлично видимую из любого конца столицы.

– А сейчас владыка всего и вся решил уничтожить древние сооружения, чтобы раскрыть в невиданном ранее катаклизме прародину. Ну, и по праву именовать ее своим владением, вписав свое имя в историю! – Язвительности в голосе раба-куля хватило бы на то, чтобы отравить целый выводок змей. – Хозяин ста королевств, из которых шесть десятков подчиняются лишь сильной руке, а не закону! Император миллиарда подданных, пусть три четверти граждан и живут в колониях, с коренными жителями которых непрестанно воюют! И потому никогда не смогут попасть в мир Первого Солнца при всем желании! Имперцы! Ну что вы за придурки?! Как можно было проморгать на территории, якобы подчиненной престолу, но которую сейчас готовятся покорять, целую цивилизацию?! А ведь она даже без магии давно достигла невиданных высот! Супердержавы с миллиардами жителей! Космические корабли! Телевидение, автомобили, самолеты и Интернет! Разведчики охрипли, объясняя, что это такое и как это сложно! Но сенаторы все равно видят лишь новые земли да рабов! Считают население прародины ютящимися в пещерах зверьми. Не знают те высшей магии, способной снести с лица земли город? Значит, они глупые варвары. Вообще никакими чарами, пригодными для самозащиты от армии, не владеют? Однозначно дикари, которые не заслуживают земель, где живут! И я это их мнение укреплю, о да!

Ровные строчки продолжали ложиться на пергамент...

...В сенате проходили одни слушания за другими. Раскупали магические артефакты и сборники заклятий. Точили мечи. А жители Империи готовились

увидеть легендарный мир Первого Солнца, куда одним рывком должна была вернуться магия. Слухи о грядущем событии заставили предвкушать богатую добычу не только солдат армий Империи и вассальных королевств, готовившихся к небывалому походу. Оживились также наемники и бандиты. Даже простые обыватели, надеясь обеспечить себе безбедную старость за счет чужого горя, собрались в поход. Сомнений в том, что это будет быстрая и победоносная война, никто не испытывал. Мир, один конкретный мир, скоро должен был дрогнуть. А для кого-то и рухнуть.

Глава 1

– А? А?! Ааа! – Андрей Ковальский, двадцатидевятилетний холостяк, горел.

Проснувшись, он долго соображал, что же именно с ним происходит, и лишь потом испугался, заорал и начать дергаться, словно рыба на сковородке. Обычно люди на присутствие пламени поблизости от себя, а тем более на себе, реагируют куда более стремительно. Но тут был другой случай. Во-первых, огонь, объявший кисти рук автомеханика, приехавшего из Москвы провести часть отпуска в гостях у бабушки, хоть и превращал в пепел одеяло в тех местах, где оно его касалось, однако не перекидывался дальше. Ну, а во-вторых, никаких неприятных ощущений Андрей почему-то не испытывал. Напротив, ему чудилось, будто кисти его находятся в мягких меховых перчатках. Казалось, что тысячи шерстинок приятно ласкают кожу. Однако глаза докладывали о совсем ином положении дел. И мозг реагировал на увиденное так, как и положено. Паниковал.

– Ааа!

Как человек с высшим образованием, Андрей знал, что чудес не бывает. И если он горит, то должен испытывать боль. А также стараться как можно быстрее погасить пламя, если не хочет остаться без рук. Одеяло, под которым он попытался их спрятать, мгновенно рассыпалось пеплом.

Прошла уже, наверное, минута с того момента, как Андрей проснулся и обнаружил себя горящим. Но его кисти до сих пор нисколько не пострадали. Пламя уже исчезло, и руки выглядели как обычно.

«Привиделось», – наконец-то сообразил Андрей.

Наверное, не стоило пить бабушкину настойку для лучшего сна. Пусть даже четвертые сутки и мучают головные боли из-за необъяснимых магнитных бурь, о которых упорно талдычат по телевизору.

«Бабушке-то она, может, и помогает, – подумал Андрей, – а мне, похоже, надо было бы просто в магазин сгонять за водкой. Любое похмелье лучше, чем такие глюки...»

Запах паленого упорно лез в ноздри, и не пропадало ощущение прилипшего к коже еще теплого пепла. Разве что исчезло чувство теплых мягких перчаток, натянутых на руки.

«Бум!»

Грохот близкого взрыва заставил испуганно звякнуть стекла двойной оконной рамы. А заодно поднял дипломированного автомеханика с постели вернее, чем ведро холодной воды, вылитое на голову.

«Террористы?!» – пронеслось в голове у Андрея.

Он подскочил к окну. С пригорка, на котором его дед построил дом, один из первых в молодой тогда еще деревне Броды, открывался весьма неплохой вид. Никаких бородатых выходцев с окраин России, вооруженных Кораном и автоматами Калашникова, среди деревни не обнаружилось. Это взорвался трактор, стоявший перед соседним домом. Кажется, еще с позавчерашнего вечера. К несчастью, взорвался вместе с трактористом. К полыхающему труженику полей рвалась женщина, ее удерживали за юбку двое сыновей-подростков.

Прогремел новый взрыв, теперь уже где-то вдали, за домами, и в небо взметнулся столб дыма. Стремительно прочертила воздух, приближаясь к земле, какая-то крылатая тень, похожая на орла. Вот только размах крыльев ее наводил на мысль о самолете, терпящем бедствие. Впрочем, спустя несколько секунд неопознанный летающий объект вновь стал набирать высоту, и уж теперь-то Андрей его хорошо разглядел. Вытянутое тело, напоминающее

крокодиле. Два широких кожистых крыла. Четыре длинных когтистых лапы по бокам. Еще более длинный хвост с чем-то вроде покрытой шипами костяной булавы на конце. Самый настоящий дракон! Его громадные челюсти сжимали человека. Вниз с высоты упала откушенная нога в черной калоше. А все остальное, похоже, отправилось в желудок чудовищной рептилии, будто сошедшей со средневековых полотен.

– Бабушка! – не зная, что и думать, заорал Андрей, бросаясь в соседнюю комнату.

И застыл на пороге.

На кровати, двойнике той, на которой спал он сам, среди полусгоревшей ткани лежал в позе эмбриона обугленный труп. Рядом, на полу, стояли розово-синие тапочки, которые Андрей совсем недавно подарил бабушке Аглае.

Он в ужасе обхватил голову руками, но тут же отдернул ладони, вновь увидев на них язычки пламени. Оно не обжигало кожу, но Ковальский заметался по дому в поисках воды. Вылил на руки содержимое чайника, однако не смог погасить огонь. Понемногу от кончиков пальцев к запястьям начало распространяться уже знакомое ощущение приятной и какой-то пушистой теплоты. А вместе с ним пришло и более яркое пламя, охватившее кисти полыхающим ореолом. При этом кожа лица никакого жара не чувствовала.

Стекла вновь зазвенели от близкого взрыва. Андрей уставился в окно, не понимая, рушится ли это его разум или привычная картина мира...

«Дзынь-дзынь-дзынь!» – задребезжал старый механический, сделанный еще в Советском Союзе, будильник. Он стоял на тумбочке рядом с кроватью бабушки. Которая уже никогда больше не встанет с постели по его сигналу. И не пойдет по утреннему холодку возиться в огород...

Этот звон раздражал, и Андрей, подскочив к тумбочке, протянул руку, намереваясь нажать на кнопку или даже разбить часы. Но когда его пальцы оказались сантиметрах в тридцати от будильника, окутывающее кисть пламя рванулось вперед. И, как ни странно, тот отлетел в стену. Да так, словно его ударили, причем с разбега. Только брызнули во все стороны детальки, разлетевшиеся из деформированного корпуса.

«Оплавленные», – убедился Андрей, подобрав одну из них правой рукой, пламя на которой уже потухло, и поднеся к глазам.

На левой руке огонь тоже угасал, по мере того как автомеханик потихоньку успокаивался. Настолько, насколько это вообще возможно в данной ситуации, разумеется. Кольца и пружинки словно прикипели друг к другу, словно над будильником поиздевался ребенок, стащивший у отца паяльник. Их вид, напоминавший поломку в каком-нибудь притащенном в сервис автомобиле, неожиданно настроил Ковальского на деловой лад. Вокруг, похоже, одновременно наступили Армагеддон, Апокалипсис и конец в очередной раз продленного по просьбам трудящихся календаря мая. Это, вне сомнений, был не горячечный бред, а объективная реальность. И ее требовалось принять, чтобы выжить.

«Тут какая же температура нужна была, а? – подумал Ковальский. – Тысячи три градусов? Да нет, при такой вроде бы обычное железо кипит, если правильно запомнил со студенческих лет. А здесь сталь. Качественная, надежная и, наверное, тугоплавкая. Каким же образом я такую температуру сгенерировал?!»

Выйдя из комнаты покойной и притворив за собой дверь, Андрей бессильно опустился на свою кровать, прямо в пепел. Ему было страшно. Тут бы не ему оказаться, а какому-нибудь спецназовцу, прошедшему огонь и воду, а медные трубы прошибающему лбом. Жути добавляли невесть откуда взявшиеся явления явно сверхъестественной природы. Которые не оставили на нем ожогов, но превратили тихую мирную старушку в обугленный труп.

Неожиданно раздался противный скрежет, и на пол упала чья-то тень. Андрей, вздрогнув, повернулся к окну. За окном стоял на задних лапах какой-то зверь размером с небольшую собаку и, растопылив передние конечности, царапал стекло. Он напоминал гибрид суриката с бесхвостой крысой, вымазавшейся темно-бурой краской. Если бы не вытянутая голова с пучками толстенных усов-вибрисс, злобные желтые глазки и свалывшаяся комками шерсть, его можно было бы даже признать симпатичным. И счесть экзотическим зверьком, сбежавшим от хозяев. Вот только Андрей не слышал, чтобы кто-то из сельчан покупал себе зверюшек родом из Африки или Южной Америки. А значит, происхождение у прикипшего к окну монстрика такое же, как у дракона. Следовательно, априори ничего хорошего в себе не несет. А вдруг дом сейчас берут в окружение еще два десятка его собратьев? А может, они плюются

кислотой или хватают добычу выстреливающим на несколько метров языком... Или это из другой оперы?

- Кыш отсюда!

Андрей вскочил с кровати и замахнулся на зверька, продолжавшего попытки процарапать дырки в стекле. Кисть немедленно окуталась огнем. Только одна, правая, которой он замахнулся. Крыса-переросток тут же отпрыгнула от окна, приземлилась на все четыре лапы и кинулась наутек. Кстати, хвост у нее все-таки имелся. Маленький, почти декоративный, как у хомячка. Добежав до проволочной ограды, она юркнула в дыру, которую сама, вероятно, и прокопала, чтобы пробраться во двор. Никаких других животных Андрей во дворе не заметил. Соседи продолжали причитать возле чадящего трактора, а значит, опасных зверей поблизости не было.

«Кажется, я начинаю понимать, как этим управлять», – подумал Ковальский, рассматривая свою правую кисть, на которой медленно угасало пламя.

Он перевел взгляд на левую кисть, напрягся, вспоминая ощущение теплых меховых перчаток и испуг утреннего пробуждения. И та тоже начала понемногу разгораться. А затем тухнуть. Несколько раз Андрей увеличивал пламя и вновь почти сводил его на нет усилием воли, прежде чем оно полностью угасло. Он чувствовал себя, как ребенок, который стащил где-то зажигалку и теперь ее осваивает.

От нового взрыва, прогремевшего где-то поблизости, с потолка посыпалась штукатурка. Андрей перевел взгляд на окно и увидел недавнего гостя – тот возвращался во двор. Причем не с пустыми зубами.

В пасти крыса-переросток сжимала чью-то беременную кошку, в недобрый для себя час решившую выйти на прогулку и попавшую на глаза зверюге. Вид окровавленного полосатого тельца с раздувшимся животом заставил Андрея скрипнуть зубами, собраться с духом и, проشمгнув через соседнюю комнату с ее покойной обитательницей, выйти в сени. Терпеть на своем участке (вернее, бабушкином, а теперь, скорее всего, родительском, если она в завещании не предусмотрела иного) таких нелегальных иммигрантов Ковальский не собирался. И был настроен решить проблему кардинально.

«Жаль, нет ружья», – подумал он, припомнив одну из песенок своей молодости, и взял с полки плотные штаны, в которых обычно ходил на рыбалку.

Как кусаются крысы, Андрей на личном опыте не знал, но рисковать не хотел. Лучше уж попотеть, чем быть укушенным.

Здесь же, в сенях, лежал колун на отполированной многочисленными прикосновениями до блеска рукоятки. Незаменимый инструмент в деле колки дров для печки держали в доме вовсе не потому, что бабушка надеялась с его помощью отбиться от каких-нибудь грабителей. Просто в деревне все больше разрасталась цыганская диаспора, представители которой, в соответствии с национальными обычаями, тащили со дворов односельчан все, что плохо лежит.

«Или, может, лучше вилы взять, чтобы тварюга зубами точно не дотянулась?»

Мелькнувшую на периферии сознания мыслишку попробовать поджарить тварь огнем Андрей сразу отбросил. Непонятно, что происходит вокруг вообще и с ним в частности, а потому не стоило демонстрировать свои необыкновенные способности. Мигом пришьют все мыслимые и немыслимые грехи. Обвинят в убийстве сгоревшей во сне от неведомых причин бабушки Аглаи, поджоге три года назад сарая местного алкоголика, уже, должно быть, загнувшегося от цирроза печени, взрывах, плохом урожае, пришествии дракона, инфляции и прочем.

Андрей надел камуфляжную куртку под стать штанам и натянул высокие резиновые сапоги до колен. Взял колун, отодвинул дверной засов и осторожно выбрался из дома. И попутно решил оснастить дверь нормальным замком. А может быть, даже вырыть перед порогом волчью яму. По нынешним временам, пожалуй, не повредит.

Грядки с овощами были окружены кустами смородины и малины, уже в ближайшее время готовыми порадовать вкусными ягодами. В огороде царил погром. Лук и чеснок были затоптаны, по грядкам с морковью пролегли широкие просеки, словно там что-то волочили. Почти созревший кочан ранней капусты был наполовину сгрызен.

«Вот гад! – подумал Андрей, крепче сжимая топор. – И когда только успел? Видать, всю ночь старался, лап не покладая, паразит! Стоп! А это у нас что?»

Пыльную дорожку между грядками наискось испятнали темные капли. Дождя ночью вроде не было, и утром огород не поливали. Кровь?

Проследить вектор движения, взяв за начальную точку прокопанный под забором лаз, было делом двух секунд. Пройдя по следу, Ковальский обнаружил под старой яблоней свежевыкопанную нору. Не успел он задуматься о том, как вытащить оттуда эту тварь, как в норе подозрительно зашуршало. Из логова, без всяких прелюдий вроде угрожающего шипения, на него одна за другой метнулись три бурых молнии.

Не сказать, что работа автомеханика способствует остроте реакции. Но и заторможенным увальнем Ковальский точно не был. Первый зверь, кинувшийся в атаку и вцепившийся острыми зубами в сапог, получил по хребту колуном. И тут же сдох, почти разрубленный пополам. Однако челюсти так и не разжал, а потому с двумя другими грызунами-переростками Андрей был вынужден разбираться с таким вот мешающим маневрировать украшением. К счастью, о тактике твари, оказавшиеся очень даже агрессивными, и слыхом не слыхивали. А потому нападали прямолинейно, целясь человеку в ноги и мешая друг другу. Хороший пинок по морде заставил одну из них отступить. Зато вторая, уходя от сапога, ухитрилась подпрыгнуть чуть ли не на метр. Вцепившись в куртку Ковальского, она попыталась вскарабкаться к горлу. Удар лезвием топора, использованного на манер ножа или кастета и вонзившегося в бок представителя чужеродной фауны, лишь немного замедлил кровожадную бестию. Чтобы уберечь от нее шею, автомеханику пришлось хватать алчущего крови врага прямо за морду. В руку немедленно вцепились острые зубы. Вскрикнув, Андрей наполовину инстинктивно, а наполовину уже и вполне сознательно окутал ее огнем, подгоняемый болью и адреналином битвы. Обожженная зверюга разжала челюсти и, упав на землю, с визгом пустилась наутек. Третий агрессор, тем временем почти прогрызший толстый сапог, предназначенный для ходьбы по болотам и дну мелких речушек, усыпанному острыми ракушками и разбитыми бутылками, своих усилий не прекращал. За что и поплатился. Гнев Ковальского материализовался в виде двух струй пламени, скрестившихся на туловище твари. Ее шерсть вспыхнула, словно сухая солома. Заверещав, агрессивный садовый вредитель принялся кататься по траве. Но Андрей не успокаивался. Стоило лишь врагу попытаться удалиться от него, как автомеханик делал шаг вперед. Он всеми силами старался поддерживать

огонь, не давая агрессору ни шанса на спасение. Вероятно, начинающий пироманьяк не оставил бы от него и пепла, но появившаяся непонятно откуда стихия неожиданно угасла. Резко, словно кто-то невидимый щелкнул тумблером, имеющим лишь два положения: «включен» и «выключен».

– Опоссум в собственном соку! – нервно рассмеялся Ковальский, глядя на зажаренную заживо тварь, покрытую чадающей угольной коркой.

Укушенная рука нещадно болела и кровоточила. Рукава куртки обгорели, но кожа вновь не пострадала.

«Кажется, я истратил на этого опоссума весь свой метафизический бензин. А ну-ка!»

Левую кисть на мгновение окутал яркий ореол огня. Увы, продержался он от силы секунды четыре и растаял, несмотря на все попытки автомеханика удержать пламя. Дальнейшие экзерсисы со сверхъестественными способностями пришлось прекратить – нужно было заняться укушенной рукой. Плюнув вслед подранку, удравшему в неизвестном направлении, Андрей направился в подвал, где бабушка хранила лекарства.

Лампочка там упорно не желала загораться, игнорируя щелчки выключателя. Андрей вернулся и взял фонарик. Но он почему-то тоже не работал, хотя батарейки в нем были совсем новые. Ковальский пошарил в буфете, нашел свечку и зажег ее от воспламенившегося пальца. В свете дрожащего пламени вновь спустился по лестнице и отыскал на полке аптечку.

Однако стоило Андрею взяться за нее, как пластиковая коробка развалилась на влажные липкие куски. Они упали на полку и растеклись дурно пахнущей кашцей с немногочисленными твердыми вкраплениями.

– Проклятие! Да что же тут происходит?!

Никто Андрею не ответил. Только по пальцам скатилась капля воска, по всем законам природы обязанная быть горячей. Но, по ощущениям Андрея, она была комнатной температуры. Чертыхнувшись, Ковальский, уже понимая, что ему преподнесен новый неприятный сюрприз, склонился над остатками аптечки. В нос ударили неприятные запахи. Он начал перебирать лекарства, пытаясь

отыскать хоть что-то уцелевшее. Блистеры с таблетками и капсулками стали мягкими и хрупкими как старая бумага. Где-то они порвались, где-то остались более-менее целыми... В тех местах, где их не проело внезапно ставшее очень едким содержимое. Вытекшие из упаковок препараты по большей части стали жидкими, хотя встречались и отдельные крупницы, блестящие, как отполированная каменная крошка. Это подозрительное месиво явно обладало свойствами слабой кислоты – лежавшие в коробке бинты и вата почернели, а пальцы, погруженные в него, ощутимо щипало. Уцелели только старый градусник, чей корпус, в отличие от новомодных собратьев, был не пластиковым, а стеклянным, и пузырьки с зеленкой и йодом. Правда, зеленка теперь переливалась всеми цветами радуги и не вызывала ни малейшего доверия. Йод остался коричневым, но Андрей все равно не рискнул им воспользоваться и положил в карман. Прочие же препараты, по его мнению, были безнадежно испорчены.

Покинув подвал, Ковальский ограничился тем, что промыл рану с хозяйственным мылом и обмотал руку куском старой майки, смоченным найденной в буфете водкой. Водкой бабушка расплачивалась с деревенскими мужиками за выполнение разных работ вроде рубки дров или копания картошки. Приняв двести грамм, чтобы хоть немного расслабиться, Андрей устался в окно, с какой-то обреченной отстраненностью наблюдая за тем, как соседи выгребают остатки водителя из сгоревшего трактора. Несколько раз прогремели новые близкие взрывы.

– Тетя Аглая! Андрей! – в дверь дома, запертую все на тот же засов, громко застучали. Судя по голосу, это был Евгений Клюев, приятель детства. – Да откройте же вы!

– Сейчас! – откликнулся автомеханик, быстро направляясь к двери.

В голосе Евгения слышалась паника, и у Андрея мелькнула мысль о драконе, который гонится за Клюевым. Как останавливать подобное чудовище, да еще если оно, в соответствии с легендами, окажется огнедышащим, идей не было. Но, в крайнем случае, можно будет спрятаться в подпол.

Андрей распахнул дверь и увидел приятеля. Евгений Клюев был одет в майку-сеточку и темные шорты, но не обут. Тапок он сжимал в руке, второго тапка не было. Вздрыбленные светлые волосы, перепачканное непонятной пахучей дрянью лицо, а также здоровый фингал под глазом завершали картину. Весь вид

человека, работавшего местным участковым, свидетельствовал о том, что хороших новостей не будет...

Клюев, хоть и имел диплом агронома, быстро понял, что заниматься сельским хозяйством в условиях свободного рынка для него бесперспективно, и предпочел сажать не пшеницу и помидоры, а жуликов и хулиганов. Для чего прошел какую-то там подготовку, полагаящуюся ныне господам полицейским. Деталей Ковальский не знал, но подозревал, что просто не нашлось иных желающих отправиться в такой глухой угол матушки-России, как Броды.

- А там... трупы! А мы... в голову хотели, как в фильмах, но ни черта! Не стреляет! - затараторил Евгений, войдя в дом и размахивая руками. - А бензин теперь взрывается, а не горит! И связи нет, помощь не вызвать! Тетя Аглая где?! Она же ведьма, должна справиться!

- Что?!

Таких подробностей о своей усопшей родственнице Андрей не знал.

- Ну, то есть это... монашка! - поправился Клюев. - Ой, то есть опять не то! Чтица она! Ну, на похоронах же разные молитвы читает, да? Читает! Так вот, она срочно нужна! Пусть читает! Там трупы! Пусть им читает!

- Боюсь, она не сможет, - вздохнул Андрей и кивнул на дверь в комнату бабушки. - Можешь пойти, посмотреть...

- Ой, блин! - воскликнул Евгений, войдя туда. - Топор! Где топор?! Ее срочно надо порубить на мелкие кусочки!

- С ума сошел, Женек? Это же моя бабушка! Ума не приложу, что это с ней случилось... И что вообще происходит...

Клюев повернулся к Андрею:

- Ты что, еще ничего не знаешь? На кладбище мертвые восстали и на людей кидаются!

– К-к-какие еще мертвые? – Ковальский, чувствуя, что дыра, в которую ухнула его картина мира, резко увеличилась, присел на стул. Просто чтобы не упасть. Жалобно хрустнули попавшиеся под ногу очки бабушки. – В смысле, совсем мертвые?

– Да уж не живые! – Клюев стукнул массивным кулаком по стене, пробив выцветшие обои. – Полтора десятка! На стадиях разложения от почти узнаваемого тела до черт знает чем скрепленного скелета! Пovyлезали из земли на рассвете! Разорвали и сожрали двух пьяниц, попершихся туда посмотреть, не принесли ли на могилки свежих конфет или еще какой закуси. А еще один, самый молодой, смог удрать и прибежал ко мне. Я, правда, сначала подумал, что у него белая горячка. Но потом ходил и посмотрел издали. И правда мертвецы ходят-бродят. Хорошо хоть далеко от ограды не удаляются. Словно на одном месте привязаны. Хотел им всем головы прострелить, ну, как в фильмах, да только ни «макаров», ни «калашников» не работают. Вообще. И охотничьи ружья тоже! Вместе с дробовиками! Порох просто не горит, нет, ну ты представляешь? Не горит! И бензин тоже! Если его из канистры прямо в костер лить, так тот тухнет! Правда, машины, стоит попробовать завести мотор, взрываются! Шурин, чтобы от покойников обороняться, бензопилу достал. Только шнур дернул, чтобы проверить, как работает – так меня всего его потрохами забрызгало, а полотно на волосок с моей головой разминулось и в стенку чуть не наполовину ушло!

«Так вот почему он в таком виде, – понял Ковальский. – Форму теперь стирать надо...»

– Жалко шурина, – вздохнул Клюев, махнув рукой с тапком. – Хороший был мужик...

– Теперь понятно, почему взорвался трактор... – пробормотал себе под нос Андрей, радуясь, что не стал выводить из гаража машину.

И снова уставился в окно. Набежавший народ хлопотал вокруг абсолютно нефотогеничного покойника. Тот уже лежал в деревянном ящике и вроде бы вел себя смирно, подобно лежавшей на кровати бабушке. Интересно, откуда соседи смогли за такое короткое время достать гроб, да еще подходящий по размеру? Впрочем, горелое тело наверняка сильно уменьшилось. А домовину, как говорится, «на вырост», для себя держат многие старики.

Андрей повернулся к Ключеву:

– Слушай, Женек, а ведь еще и электричества нет. И фонарик у меня не зажегся... А дракон? Про дракона тебе уже рассказали?

– Который старуху Степаниду унес? – уточнил зачем-то Евгений, словно подобные звери летали над деревней косяками. – А то как же! Моя жена его лично видела. К фельдшеру бежала, будто человеку, раскинувшему кишки на десять метров, еще можно помочь. Все, Андрюх, песец пришел, встречайте, как можете. У тебя закурить не найдется? А, ну да, ну да, ты ж не куришь. А я вот, похоже, теперь снова начну. Самого главного ведь еще не рассказал. Трассы на Москву больше нет. Километрах в пятнадцати от деревни такая стена леса стоит, что через него и пешком не вдруг проберешься. А ведь раньше-то там дорога шла по Васильевским холмам, сам знаешь. Ну, ладно, деревья выросли, но куда холмы исчезли? Ох, и за что же нам все это на голову свалилось, а?

Глухой звук, похожий то ли на далекий гром, то ли на крик какого-то громадного существа, заставил обоих мужчин насторожиться. Они приникли к окну, однако никого и ничего нового не разглядели.

– Значит, ты хотел, чтобы бабушка почитала молитвы? – сказал, наконец, Андрей, отлипая от стекла. – Думаешь, реально поможет от мертвяков?

– А черт его знает, – вздохнул участковый, потирая голову. – Попу бы нашему кладбище освятить, да он еще позавчера в город уехал... Ладно, ты это, Андрюх, крепись. А бабку пока не руби, погорячился я слегка. Шурин же мой не встал. И те покойники, которые с утречка образовались, тоже. Да и на кладбище народу закопано побольше тех бродячих мертвецов. И ничего, вроде лежат покамест... Ох и много же сегодня трупов! Мой дом родичи усопших чуть штурмом не взяли. И некоторые вроде бы тоже странно померли, как и твоя бабка. Сгорели, истлели, покрылись инеем...

– У меня во дворе еще крысы какие-то были странные, агрессивные. Или еще какая дрянь на них похожая, – Андрей показал перемотанную руку. – Вот, покусали, гады, до крови.

– Это не самое страшное, – буркнул полицейский и направился к двери. – Старик Бронштейн что-то про белого медведя орал, который на его пасеке хозяйничает. В общем, это, я пошел мужиков собирать. Попозже подойди к сельсовету. И топор возьми, на всякий случай...

Глава 2

Вече не получилось. Нет, народ-то на собрание пришел, хотя бы просто для того, чтобы быть в курсе событий. Но ничего продуктивного из полутора часов разговоров так и не вышло. Ключев как организатор показал себя в данном случае не с лучшей стороны. Он даже не сумел набрать добровольцев для патрулирования села. А председатель ЗАО, которое все по старинке называли «колхозом», влиятельный, по меркам деревни, мужчина, говорить не мог по очень уважительной причине – он взорвался на своем новеньком «Мерседесе», пытаясь, очевидно, сбежать из ставшего враз очень опасным родного края. И не зная о том, что заводить моторы теперь не следует. А его двадцатилетняя сожительница уцелела – председатель, сматывая удочки, ее с собой не взял. Занял сиденья личного автотранспорта вынесенным из роскошного дома барахлом, полученным не иначе как чудом. Поскольку его стоимость равнялась нескольким тысячам официальных зарплат данного руководителя.

Собравшиеся обитатели деревни лишь стонали, охали да чесали в затылках. А еще предлагали послать за помощью в соседние населенные пункты, не вызываясь тем не менее на роль гонцов. Не удалось согласовать и место для новых захоронений – ведь буйные обитатели кладбища так никуда и не делись. А покойников следовало как можно скорее предать земле – лето было жарким, и вскоре они начнут разбухать и пахнуть. На удивление, отсутствовали истерические выкрики о конце света. Вероятно, сказалось атеистическое прошлое жителей России и привычка ко всяким проблемам вроде дефолтов, засух, наводнений, нового правительства, саранчи, нелегальных мигрантов, приватизации и финансовых пирамид.

Поняв, что ничего дельного тут не дожидаться, Андрей стал потихоньку выбираться из толпы. Ему о многом требовалось подумать, а также нужно было выкопать могилу. В одиночку. Вряд ли сейчас в деревне нашелся бы человек,

готовый ему помочь, у всех своих проблем хватало, причем с избытком. Местом последнего упокоения для бабушки Ковальский сначала хотел сделать ее же приусадебный участок. Старушка любила огородные грядки, и лежать рядом с ними ей бы понравилось. Но потом он подумал, что ему нужно будет отправляться обратно к родителям, в Москву. И не факт, что на брошенную собственность никто не покусится. А где гарантии, что новый хозяин не выроет останки во время весенних полевых работ? К тому же несколько нервировала вероятность возвращения родственницы в виде ходячего мертвеца. Андрей, по пути к месту сбора, специально вышел за деревню и, взобравшись на дерево, взглянул издали на кладбище. И увиденное ему как человеку с обычным взглядом на жизнь категорически не понравилось. Впрочем, вряд ли даже самый матерый гот обрадовался бы бродящим под ясным солнышком трупам. Да еще покрытым кровью недавних жертв. Хорошо хоть те не присоединились к своим убийцам, как это бывает в фильмах ужасов, а лежали себе двумя неопрятными кучками.

Уже покинув площадь перед сельсоветом, Андрей услышал прежний рев, похожий на глухой раскат грома. С неба стремительной молнией упало в толпу длинное, покрытое чешуей существо. Но это был не дракон. Или, во всяком случае, не тот дракон, которого уже видел автомеханик. Это канареечно-желтое чудовище было чуть меньше, его лапы болтались эдакими рудиментарными культяпками, и на хвосте не имелось костяной булавы. А самое главное, от плоской змеиной морды твари отходили поводья. Их сжимала левая рука всадника в меховой одежде, сидевшего на спине чудовища в кресле с высокой спинкой. Правая же рука небесного наездника ярко светилась синим светом и была направлена на толпу, которая уже начала разбегаться в разные стороны. Сорвавшаяся с кулака пришельца волна непонятного сияния пронзила воздух, лавинообразно нарастая. Достигнув людей, она стала валить их, словно кегли. Впрочем, упавшие почти сразу же поднимались и продолжали убегать с еще большей прытью, не получив видимых повреждений. Некоторых окутали ореолы непонятно откуда взявшейся воды, других – облака пыли, третьих – молочно-белого тумана. С ясного неба вдруг посыпался град. Судя по обескураженному лицу хозяина приземлившейся рептилии, который оставался в той же позе, но начал усиленно шевелить пальцами правой руки, он от своих действий ждал каких-то иных результатов.

– Вот блин! – Ковальский сбросил с плеча мешок и извлек оттуда топор. Хотя и не очень понимал, чем может в данной ситуации помочь такое холодное оружие. Тут бы скорее пригодилась группа профессиональных дипломатов. Или, на худой конец, ручной пулемет. Тоже неплохое средство коммуникации,

мгновенно повышающее понятливость собеседника до невообразимых высот.

– А-а-а! – Красавица – любовница председателя колхоза вдруг воспарила в воздух.

Болтая руками и ногами, она понеслась к свалившемуся с неба чудовищу. Ее сама собой связала веревка, которая вылетела из сумки, прицепленной к седлу монстра. Перед всадником на седло упала уже основательно упакованная женщина, да еще и с непонятно откуда взявшимся кляпом во рту. Дракон, повинувшись щелчку повода, пополз вперед, по-змеиному изгибая туловище. Набирая скорость, он захлопал крыльями, будто странный петух-переросток. А уже взлетая, поймал пастью одного из не успевших слинять пенсионеров и тут же откусил ему голову. Из перегрызенной шеи толчками полилась кровь, и тело упало на землю. А тварь набрала высоту и удалилась куда-то на запад, еще раз громогласно рыкнув на прощание.

– Да что же это?! – в панике вскричал Ключев, которого толпа вынесла на Андрея. Полицейский, несмотря на свой более-менее вычищенный и уже почти высохший после экспресс-стирки мундир, выглядел жалко и потерянно. Впрочем, немногие оставшиеся на площади мужчины также напоминали маленьких злобных карманных собачек породы чихуахуа. Зубки оскалены, глазки выпучены, ножки дрожат, а воздух вокруг наполнен бессмысленным и бесполезным тьяканьем. – Что это?.. Откуда?! Почему?!

– Ты же говорил, Женек, что это пришел песец, – мрачно напомнил Андрей и закусил губу, всей силой воли едва удерживая пламя. Огонь рвался откуда-то из глубины и упорно стремился окутать его кисти. В этом состязании Ковальский мало-помалу проигрывал. Оранжево-рыжие искорки, проскальзывающие по коже, множились, уплотнялись, сливались в язычки. – И ты, пожалуй, прав. Все эти чудеса, происходи они сами по себе, хоть по отдельности, хоть вместе, мы бы пережили. Но судя по тому, как летела эта наманикюренная бывшая доярка прямо в руки похитителю, всем этим бардаком кто-то управляет. И раз его зверушка не стесняется перекусить мирным населением, то... это действительно песец...

– А... ага... – Ключев, не сводя взгляда с полыхавшего, словно вечный огонь, Андрея, начал пятиться. Но на третьем шаге споткнулся и рухнул на задницу.

Оставшиеся на площади односельчане начали расходиться в разные стороны. То ли намеревались убежать, то ли брали необычный объект, требующий изучения и, возможно, уничтожения, в кольцо. Какая-то боевая тетка лет сорока, явившаяся на собрание с граблями, даже выставила их вперед на манер копыя:

- Нет! Не подходи! Уйди от меня, чудовище!

- Вот блин! - во второй раз за последние пять минут выругался Ковальский, понимая, что он попал. Теперь придется спешно уматывать из деревни. Пока не собралась возмущенная общественность с вилами и топорами, нашедшая себе виновника происходящего. И не сильно озабоченная тем, истинный он или мнимый. - Женек, ты чего? Народ! Ну, вы чего! Это же я!

- Уйди! - взвизгнул совсем по-пороссячьему Клюев, вообще-то, куда более мускулистый, чем автомеханик. И кинулся наутек.

Однако его почти тут же окутало серое облачко. Участковый замер на полушаге и упал. Ковальский растерянно огляделся и обнаружил, что с другими случилось то же самое. Боевая тетка валялась, раскинув руки, рядом со своими граблями. А еще она улыбалась ясному летнему небу не только ртом, но и хирургически точным разрезом на горле. Солнце отражалось в ее начинающих стекленеть глазах. Какой-то старик дергался, беззвучно открывая и закрывая рот. Из дыры у него в бок лилась толстая темная струя. Единственный на всю деревню горбун, тоже уже в годах, работавший в местном магазине продавцом, сидел, прислонившись к стене сельсовета. Голова его была вывернута почти за спину, под невозможным для целых позвонков углом. Точно такое же серое марево, как и сразившее Евгения, внезапно окутало и самого Андрея. Слово цемент разлился по жилам, заставив его оцепенеть. Но Ковальский почти сразу встрепенулся и стряхнул с себя непонятное наваждение, будто клочья паутины.

- Авртал оргартал, - с недовольством, как ему показалось, пробормотал кто-то неподалеку от него.

Тут же автомеханик согнулся от сильного удара в живот. И снова вокруг него возникла серая хмарь, только куда более густая, туманящая сразу и тело, и разум. Андрей упал и увидел сквозь нее, как приминается трава под чьими-то незримыми ногами. До ушей доносился тихий звук шагов. А затем в голове взорвалась боль, словно он получил молодецкий удар в челюсть. Ковальский

задергался, будто рыба, широко разевая рот и отплевываясь осколками зубов пополам с кровью.

...Когда сознание немного прояснилось, Андрей понял, что лежит на животе лицом в землю. В спину упирается чье-то колено, а его руки заводят назад и звякают чем-то. Оказаться в наручниках ему не хотелось, и он вновь призвал пламя с целью обжечь, а лучше бы и испепелить врага. Гнев и страх перед неведомым придали ему достаточно сил, чтобы, несмотря на серую хмарь, выдать неплохую огненную вспышку. Кто-то пронзительно вскрикнул, и чужое колено перестало давить на спину.

– Получайте, гады! – Ковальский, окончательно сбросив наваждение, перекатился в сторону, отчаянно размахивая сыплющими пламенем руками.

И, как оказалось, делал это не зря. Земля в том месте, где он лежал мгновение назад, брызнула комьями, словно туда ударило что-то тяжелое. А отдельные язычки выпущенного наугад пламени зацепились за какую-то преграду и подсветили для Андрея аж троих невидимок. Один из которых, правда, был уже почти различим – он перемазался в грязи ближайшей лужи, видимо, пытаясь сбить огонь, охвативший его голову. И именно его, медленно встающего на ноги, автомеханик выбрал в качестве своей цели и живого щита одновременно.

Забыв о топоре, выпавшем из руки во время краткого забытья, Андрей подскочил к этому типу и обеими руками обхватил его за шею. Повис на противнике всем весом, обжигая и одновременно пытаясь задушить. Но тут за дело, видимо, взялись двое других агрессоров. Автомеханика вдруг сдавило со всех сторон. Уплотнившийся до прочности кирпича воздух буквально ломал ему ребра о схваченного за горло неприятеля, твердого, как скала. Судя по отчаянным нечленораздельным крикам последнего, ему ситуация тоже не нравилась. Внезапно Ковальский ощутил, как его начинает бить током, поджаривая, словно преступника, усаженного на электрический стул. Теперь уже он и сам не сдержал вопля боли. В глазах стремительно темнело. Мир сузился до размеров тела, каждой клеточкой ощущавшего собственную агонию. В ноздри бил запах паленого мяса, и непонятно было, кто же является его источником... как вдруг все кончилось.

Хлопок. Хлопок. Хлопок...

Корчившийся на земле Андрей слышал знакомые, в общем-то, звуки, но никак не мог понять, что же служит их источником. Да и не до того ему было. Как только вернулась способность соображать, он сосредоточился на том, чтобы обнаружить едва не прикончивших его невидимок. Один нашелся в прямом смысле слова под боком. Уже вполне различимый зрением, воняющий экскрементами, горелой плотью, кровью, сочащейся из прикушенного языка, и с лопнувшими глазами. Угрозы он теперь не представлял. Если, конечно, не восстанет из мертвых, чтобы отомстить своему убийце. Два других врага почему-то лишились невидимости и медленно пятились от Андрея. Неряшливого вида старик в меховом одеянии, сильно напоминавшем наряд хозяина дракона, и с мечом на поясе. И черноволосая девчушка лет пятнадцати в длинном темном платье с откинутым капюшоном. Она прижимала к глазу светившуюся зеленым ладонь и, кажется, плакала. А ее старший компаньон отходил назад в странной позе, сложив руки перед грудью в жесте, похожем на молитвенный. Новый хлопок заставил его вздрогнуть. А от темной пленки, на мгновение проявившейся перед парочкой, отскочило нечто, сверкнувшее на солнце.

«Наверное, пневматика, – сообразил Андрей и побрел на четвереньках к лежавшему на земле топору. Встать ему мешала тошнота, подскользнувшая к горлу тягучим комом, и отчаянное колотье в сердце. – Порох не взрывается, бензин не горит, но пневматические ружья стреляют. Значит, есть тут у кого-то такое... Лишь бы эти гады стрелка не вычислили по звуку. А то шарахнут тем же, чем и меня. Кстати, а какое у них оружие? В руках ни ружей нет, ни пистолетов...»

Хлопок. Хлопок. Хлопок.

Тишина.

У того, кто пришел на помощь Ковальскому, либо кончились патроны, либо упало давление в баллоне с газом.

Девчонка оторвала ладонь от глаза и явила миру довольно симпатичное личико. Только немного испачканное кровью и какой-то дрянью. Зло оскалившись, она что-то забормотала, раскачиваясь из стороны в сторону, как змея. В воздухе перед ней начала медленно образовываться бордовая шаровая молния, сыплющая во все стороны искрами.

– Ка-ра-ул! – по слогам произнес Андрей.

Он почему-то был абсолютно уверен в том, что даже если будет стараться изо всех сил, то до странной парочки своим пламенем просто не дотянется. А через пару секунд они спустят с цепи свою рукотворную аномалию, и тогда станет уже совсем хорошо. Настолько хорошо, что подобного счастья ни один мазохист в мире не переживет.

Но тут в дело вступил лейтенант полиции Евгений Ключев:

– Н-на!

Топор Ковальского, непонятно когда подобранный очнувшимся участковым, вращаясь, полетел прямо в девчонку. И, скорее всего, вонзился бы в нее. Но с лязгом отразился от той же темной стены, на мгновение возникшей вокруг слаженного дуэта врагов, которая останавливала и пули. Однако девчонка все равно дрогнула, шагнула в сторону и налетела на своего сообщника. Вместе с ней качнулась и шаровая молния, до того висевшая в воздухе. Врезалась в землю и рассыпалась во все стороны голубоватыми разрядами, которые снова и снова возникали в одних и тех же местах. К небесам взметнулся пронзительный крик боли из двух глоток сразу. Старик и девчонка повалились на землю и задергались в конвульсиях.

– Ан-дрых! – словно через силу выдохнул Ключев, опускаясь на колени. Казалось, бросок забрал у него все силы. – Ч-чего ждешь? Д-добей их! Быстро, пока не очухались! Давай! Ну, быстрее же, родненький, седой уже пытается подняться!

– Сейчас...

Ковальский встал и сделал несколько шагов к врагам, прикидывая, как бы их вытащить из опасной зоны, разделить и связать. Девчонка продолжала дергаться, а вот старик поднялся на одно колено, словно копируя позу Ключева. Его искаженное мукой лицо выглядело жутко, но почти выцветшие от возраста глаза смотрели цепко и зло. Андрей подумал, что такой взгляд подошел бы снайперу, уставившемуся в прицел своей винтовки. А затем владелец меховых одежд метнул багровую шаровую молнию, подобную той, что взорвалась несколькими секундами раньше.

– Ааа! – от удара автомеханик развернулся на месте и упал на живот, вытянув перед собой руки с полыхающими огнем кистями.

Плети пламени, словно хищные змеи, метнулись и накрыли врагов, вновь вызвав у них крики боли. Эти крики ввинчивались в уши Андрею. И он, желая, чтобы эти невыносимые звуки как можно скорее прекратились, все усиливал и усиливал пламя, не понимая, как это делает. Ковальский не остановился, даже когда смолк тоненький надрывный голос девчонки, а затем и тоскливый вой сгорающего старика. Он жег и жег до тех пор, пока его странная способность не отказалась повиноваться и не ушла на перекур.

– Вставай! – Клюев помог обессиленному пусть не физически, но морально автомеханику подняться на ноги. Под мышкой участковый уже сжимал тонкий прямой меч старика. Лезвие меча отливало желтым цветом. – Идем воевать дальше... Стой! Топор забери.

– С кем воевать? Дракон улетел, а эти мертвы.

– Ты уши-то разуй, – посоветовал Евгений. – Крики слышишь? Деревню атакуют эти гады, кем бы они там ни были. Нам надо их остановить. Или держаться на ногах не можешь? Тогда оставайся здесь, а я сражаться побегу.

– Да нет, раз такое дело, я тоже повоюю, – криво усмехнулся Ковальский. У него до сих пор очень сильно ныло и кололо сердце. Было трудно дышать. Грудь, куда пришелся электрический удар старика, по ощущениям, представляла собой сплошной ожог. А пострадавшая челюсть вообще была комком вязкой тягучей боли. Она вызывала жуткое желание принять обет молчания и перейти на внутривенное питание. – Сам-то как себя чувствуешь?

– Голова чугунная, как с похмелья, но вроде понемногу проходит, – ответил лейтенант полиции. – И ноги как ватные. Стрелок! Стрелок с воздушкой! Ты где?! С нами давай!

– Я по крышам! – в окне чердака одного из ближайших домов показалась тонкая женская фигурка с пневматической винтовкой. – Мне обзор нужен!

– Люська Шаповалова, что ли? – спросил Андрей, провожая взглядом уходившую по крыше девушку в джинсовых мини-шортиках. – Вымахала, не узнать прямо!

– Не, это ее двоюродная сестра. Ты ее не знаешь, наверное. Она с матерью сюда из Котловки лишь весной переехала, дом в наследство получили. Ладно, пошли!

Ковальский сделал два шага и понял, что свои силы явно переоценил:

– Ох, погоди... Не так быстро! И еще, имей в виду, в плане огня я сейчас пустой.

– А когда заполнишься?

– Не знаю, – вздохнул Андрей и заковылял к топору.

Свернув за угол, они увидели в отдалении сидевшую посреди дороги девочку лет пяти. Малышка тихо плакала, обхватив руками ногу. Вероятно, она пострадала, когда люди кинулись с площади. И тут же из ближайшего проулка вышел какой-то мужчина. Одет он был в нечто вроде кольчуги и держал в одной руке окрашенный чем-то темным шестопер, а в другой – большой каплевидный щит, заостряющийся книзу. Широко улыбнувшись Ковальскому и Ключеву, словно он увидел своих лучших друзей, мужчина быстро, почти бегом, направился в их сторону, приближаясь к девочке. А та не обращала внимания на окружающее, сосредоточившись на своей то ли вывихнутой, то ли сломанной ноге.

– Заложника решил взять, падла! – процедил участковый и кинулся вперед с мечом в руке. Хотя уже понимал, что не успевает.

Однако этот тип, выглядевший как средневековый воин, задумал совсем другое. Подскочив к девочке, он с размаху ударил ее в спину заостренным концом щита. Пронзительный всхлип, похожий на плач котенка, взлетел и оборвался за каких-то три-четыре секунды. Кровь из маленького тельца брызнула вверх и, словно притянутая магнитом, начала густым слоем покрывать щит.

Ключев замедлил шаг, и Андрей, стряхнув с себя оцепенение, бросился вслед за ним. Хотя чувствовал себя плохо и откуда-то знал, что пламени в нем сейчас совсем чуть-чуть. Но хватит на одну вспышку прямо в глаза ублюдку, а потом они его уделают!

– Хой! – убийца ударил булавой в верхнюю часть покрытого кровью щита. С него немедленно сорвалось алое облачко. Налетело на приятелей и начало жалить, словно рой пчел, даже сквозь одежду.

Но продолжалось это недолго.

– Слабовато, тварь! – Клюев плюнул прямо в лицо прекратившему улыбаться мерзавцу, явно ожидавшему большего эффекта от своих действий. Участковый принял на себя основной удар и теперь на глазах покрывался волдырями и нарывами. – Наша «Сирень» похлеще будет! Ха!

Клюев нанес удар мечом, но чужак подставил щит и встречным ударом отбросил клинок участкового. И быть бы отважному лейтенанту полиции битым булавой, если бы не Ковальский. Автомеханик применил способ, один раз уже принесший им сегодня победу. Тяжелый колун, закувыркавшись в воздухе, вмазался рукояткой в уже занесенную для удара руку с шестопером. А потому железные перья не раскрыли череп Евгению, впустую пробороздив воздух. Ну а потом меч пригнувшегося почти к самой земле участкового, миновав узкий нижний край щита, поразил врага в пах. Клинок вонзился под кольчужную юбку и вернулся окрашенным алой кровью. Правда, несмотря на полученную рану, налетчик двинул рукояткой своего оружия Клюева по голове, сложив воедино мощь рук и вес явно не самой легкой булавы. Но добить свалившегося к ногам защитника деревни так и не успел. Странный свет, свивающийся в несколько колец, вдруг озарил его фигуру. Эти кольца впитались в чужака, и тот рухнул на спину. Кровь обильно лилась из колотой раны. Судя по всему, жить ему оставалось совсем немного.

Андрей посмотрел на свои руки, которые явно не были источником этих светящихся колец, хотя на пальцах мерцали слабые искорки, и шагнул к лежавшему Клюеву. И тут из придорожной канавы выбрался старик с тростью – Лев Николаевич Бронштейн, дальний родственник Ковальского. Автомеханик знал, что тот был историком и держал крупнейшую в Бродах пасеку, но видел его редко.

– Андрей, может, этого субъекта для надежности еще и по головке с размаху приголубить? – предложил старик, кивая на чужака.

– Пожалуй, ему хватило, Лев Николаевич, – сказал Андрей, видя, что враг уже перестал шевелиться.

Старик принялся отряхивать свой очень даже приличный костюм. Трость у него была соответствующая, из черного дерева, с рукояткой в виде головы какой-то хищной птицы.

Андрей присел возле Клюева. Тот был без сознания.

– Бери его и тащи ко мне в дом, – приказным тоном сказал Бронштейн. – И не пытайся возражать, что рядом идет бой, в котором твое участие обязательно. Верю, полученные раны не остановят пыла столь горячего сердца. Однако пакость, которой ударил сей щитоносец, похоже, ядовита. Ваши нарывы распухают. Аллергическая реакция может привести к отеку легких. Но у меня дома, думаю, найдется средство от этого.

Вздыхнув и отметив некоторую стесненность в груди, Андрей не стал спорить и начал поднимать Клюева.

– Стоп! Не за воротник, задушишь ведь! Хотя... Нет, рано еще, однозначно рано избавляться нам от всех представителей правящего режима, – принялся язвительно комментировать его действия Бронштейн. – Да и потом, полицаи при любой власти нужны. И опять-таки стой! Не за ноги! Хочешь расколотить ему череп о булыжник, так возьми камень и хорошенько размахнись. Вот, правильно, под ручки...

Как оказалось, бывший приятель по детским играм теперь весил вполне прилично, и тащить его было тяжеловато.

– А почему твоя бабушка не пришла на собрание? – спросил Бронштейн. – Только не говори мне, что мы ее больше не увидим!

– Живой – нет, – подтвердил опасения прозорливого старика Андрей. – Бабушка сгорела во сне. Я вот тоже воспламенился и продолжаю делать это периодически, но как-то... В общем, мне это не вредит.

– Понятно, – кивнул Бронштейн. Судя по тому, как старик бодро помахивал тростью, носил он ее больше для красоты, а не по необходимости. – Собственная магия редко причиняет вред своему владельцу. Ну, если сразу не убивает.

– Магия?! – свою ношу Андрей из рук не выпустил, чем мог заслуженно гордиться. – Какая еще магия?! Лев Николаевич, вы же умный человек! Ученый! Как вы можете говорить подобную ересь?

– Примерно так же легко, как накладывать на разную балующуюся магией крови мразь заклятие оцепенения, подсмотренное на стенах гробниц фараонов. Я ведь египтолог. Ересь, говоришь? Но ты же не будешь отрицать, что отныне способен мановением руки возжигать пламя? Кстати, позволь-ка я наложу на нашу доблестную милицию... пардон, уже полицию, те же сковывающие чары. Если он вдруг начнет биться и чесать волдыри, лечить его станет куда сложнее.

– Ээ... – Ковальский смотрел, как уже знакомые кольца света опоясывают Клюева и растворяются в его мундире. – Стоп! Так это получается, вы знаете, что сейчас творится?

– Не больше, чем ты, Андрей, – вздохнул Бронштейн, печально качая головой. – Просто мне известно, что магия в мире была всегда. Когда-то очень много, потом ее количество стало стремительно сокращаться. Начиная примерно с первых годов нашей эры ее стало так мало, что воин с мечом мог зарезать круг колдунов. И только потом, через пару дней, а то и лет, умер бы от их проклятий, подкрепленных посмертной силой. Если бы раньше не наведалься к грамотному священнику, способному снять чары. Кстати, ваши стремительно увеличивающиеся нарывы – почти типичный пример подобного отрицательного воздействия на ауру, растянутого во времени. Но сегодня, в половине четвертого утра, количество сей таинственной энергии, маны, если хочешь, скачкообразно возросло. Причем до величин, считавшихся ранее невыносимыми. Уверен, данный процесс как-то связан с катастрофой, изменившей окружающий ландшафт и свойства некоторых материалов. Но где уж тут следствие, а где причина и чем это нам грозит, предполагать не возьмусь.

– Бред! – фыркнул Андрей и тут же, ойкнув, принялся хлопать по мундиру Клюева, затлевшему под его пальцами. – Хотя, нет, пожалуй, воздержусь от оценок. Трудно не верить в то, что видишь собственными глазами. Ладно, согласен, магия есть, вы волшебник. Как и тот всадник на драконе, утащивший девчонку при помощи заклинания. А заодно разогнавший народ чарами, словно

ОМОН водометом. Да и другие нападающие продемонстрировали способности, ничем иным не объясняемые. Но почему я периодически изображаю из себя не то зажигалку, не то огнемет?!

- Терпение, Андрей. На ходу это не объяснишь.

Бронштейн жил рядом с площадью, с противоположной стороны, так что идти пришлось недолго. Дом его был виден издалека. Старик достал из кармана ключ и вставил его в замочную скважину калитки, проделанной в воротах. В обе стороны от них тянулись каменные столбы, а между ними густо переплетались кованые железные прутья с острыми наконечниками. Ковальский знал, что такая ограда окружает весь участок, и сейчас счел ее весьма массивной и надежной. Такую и дракон лбом не вдруг вынесет. Да и просто перелететь побоится. А то совершит неудачную посадку во дворе и проколет себе крыло или хвост в двух-трех местах. В общем, жилище Льва Николаевича целиком и полностью подходило под определение «особняк». Занимал он его, правда, не один, а вместе с двумя сыновьями и их семьями. Но места хватало всем.

- Я ведь не только историк, - продолжал Бронштейн, - но и потомственный колдун. Ну, или до недавнего времени жалкая пародия на такового. Получил от отца полтора десятка заговоров, предназначенных для хозяйственного использования. Но головную боль предназначенный для этого навык ослаблял куда хуже аспирина. А древняя мудрость по выведению из дома тараканов никак не могла конкурировать с дихлофосом. Но они все же работали. И смогли заинтересовать меня именно потому, что я, имея тень былой силы, хотел большего. Поэтому пытался выяснить, как же с подобным желанием справлялись наши предки, еще имевшие какие-то крупницы магии. Знаешь, открыл очень много интересного. И неожиданного.

Вслед за египтологом Андрей вошел во двор и втащил Клюева. За лужайкой с газонной травой возвышался массивный дом, занимавший большую часть участка. У дверей, на высоком крыльце с козырьком, стояли две темные и явно старинные статуи каких-то животных, похожих на собак. Андрею показалось, что по нему скользнул их изучающий взгляд и тут же пропал.

- Почувствовал? - обрадовался Бронштейн, возясь с замком. - Значит, я не ошибся. У тебя действительно талант, а не кратковременное проявление скрытых способностей. Этим изваяниям очень много лет. Смог достать буквально чудом. В них живут одни из очень немногих духов, которые

не исчезли от времени и недостатка магии. Просто впали в спящий режим, ныне сменившийся бодрствованием. И не бойся их. Храмовые собаки Фу не атакуют людей. Их цель – нематериальные злые сущности, без спроса пытающиеся проникнуть на охраняемую территорию.

– А Женек скоро в норму после ваших фокусов придет? – спросил Андрей, решив ничему уже не удивляться.

– Честно говоря, не знаю, – озабоченно потер лоб Бронштейн. – По идее, пробравшийся в гробницу вор должен оставаться парализованным до тех пор, пока не умрет от голода и жажды. Но уже во времена Александра Македонского чары успешно сбрасывали. А еще вчера я ими мог максимум заставить человека на миг оцепенеть. Если он был пойман чарами в движении, то терял равновесие и падал. В принципе, чары должны были вернуть себе прежнюю силу... Но я использовал вербальную формулу вместо графической, да и подпитывающий концентратор, понятное дело, не применял.

Войдя в дом, Андрей устроил свою ношу на тумбочке у порога. Бронштейн открыл стоявший в прихожей сейф с ну очень толстыми стенками и извлек оттуда пузатый пузырек.

– Мажь и себя, и его, – он кивнул на Клюева. – Если в ближайшее время сам не очнется, буду расколдовывать.

– А что это за мазь? – поинтересовался Ковальский.

– Пастообразный беозар. Я обычно использую его как средство от радикулита. Он должен помочь при магическом отравлении, причем очень быстро. Если, конечно, древние чародеи не наврали, и я не гоню сорок лет плацебо вместо панацеи.

Андрей смазал свои нарывы и принялся за Клюева, а старик между тем продолжал:

– Я начал интересоваться оккультными науками Египта, когда изучил сроки жизни археологов, нарушавших покой разнообразных мумий. Вернее, сопоставил их с пожеланиями расхитителям гробниц, выбитыми на саркофагах. Пресловутое проклятие фараонов в действии. Так вот, когда энергии для чар стало

не хватать, волшебники принялись мастерить ее концентраторы и выкручиваться другими способами. Самые известные и эффективные из них – это знаменитые пирамиды. В них древние жрецы творили настоящие чудеса. Например, вызывали духов фараонов. Те выходили из пирамид, чтобы отогнать вражескую армию, либо просто давали ценные советы потомкам. Сейчас такие уже не делают, разучились. Мой сейф с лекарствами – бледное подобие сложнейших конструкций прошлого. – Бронштейн, помахивая тростью, прошелся по прихожей. – Да, теряющие силу чародеи всячески пытались извернуться и удержать крохи бывшего могущества. Дольмен, храм, ну или еще какое сооружение, способное хранить магию, с собой-то не потаскаешь. В ход шли жезлы, посохи, амулеты и прочие вещи, годные на роль батареек. Главное, чтобы эта вещь хоть какое-то время не отдавала внешней среде запрященный в нее заряд. Те же самые знаменитые пентаграммы и рунические круги по сути не более чем аккумуляторы, куда сначала сливали принесенную с собой по капле силу, а потом творили волшебство. Но с течением времени ситуация ухудшалась. К пятнадцатому веку никакие меры не могли удержать чародеев от сползания до уровня жалких фокусников. Даже в местах силы их чары оказывались слишком слабыми, чтобы дать хоть какой-то сразу видимый эффект.

Андрей слушал и думал о том, что его сейчас гораздо больше волнуют не древние маги, а напавшие на деревню чужаки, собственные травмы и так и не приходящий в сознание Клюев. Впрочем, полученные после знакомства с алым облачком нарывы и волдыри после мази египтолога действительно начали потихоньку спадать.

– А ведь наши с тобой предки тоже были магами, – заявил Бронштейн. – Они переселились в Россию при Екатерине Великой, спасаясь от гонений на колдунов и просто инакомыслящих. Да-да, мы потомки древнего рода чародеев, берущего начало в глубокой древности. Я не смог проследить историю нашего рода дальше четырнадцатого века, но могу тебя обрадовать: знаменитый раввин Лев, тот, который, несмотря на деградацию магии, создал в шестнадцатом веке всемирно известного Пражского голема, тоже туда входит!

– Вы же говорили, что всяческие волшебники растеряли свою мощь куда раньше, – удивился Андрей. О Пражском големе он кое-что знал. Кажется, то ли мультфильм смотрел, то ли фильм ужасов. Там сотворенный злобным чернокнижником каменный гигант давил всех, кто не успевал от него убежать.

– Это исключение из правил возникло благодаря таланту создателя голема, – с гордостью сказал Бронштейн. – Тогда еврейский квартал был практически в осаде христиан. Те сначала подбрасывали в дома улики, а потом приводили стражу и забирали себе все имущество уволакиваемых в тюрьму как бы преступников. Но наш общий предок нашел выход. Он создал сеть из мальчишек, которые сидели на специальных вышках и передавали сообщения о нарушителях от одного к другому. А на перехват врагов отправлял сотворенного из глины магического робота. В синагоге, расположенной в центре квартала, конструкцию накачивали магией, и та не успевала выветриться за время, нужное голему, чтобы добраться до окраин и отмутузить настоящих нарушителей закона. Как бы сильны и многочисленны те ни были. Обратного его, правда, везли уже телегой. Но туда-то он топал своими ногами! Лев был действительно гением, и я очень надеюсь, что на него похож!

– Но я русский, – заметил автомеханик. – А бабушка Аглая считала себя наполовину полячкой и, значит, не могла быть потомком еврейского колдуна.

– Национальность многие наши предки сменили себе в начале девятнадцатого века, – пояснил Бронштейн. – Моя мама была Васильевой. Но для магии не важно, что написано в бумажках или кем ты себя считаешь. Важно, какая кровь течет в твоих жилах. А может, и это тоже не важно. В волшебстве все специалисты до недавнего времени были на девяносто девять процентов теоретиками. Занимались умозрительными построениями, а надо было проводить эксперименты. Как прикажете развивать науку, не поверяя ее правильность практикой? Откуда возьмутся верные выводы?

– К ч-черту в-выводы, – подал вдруг голос Клюев, заставив разом вздрогнуть и Андрея, и Бронштейна. – К ч-черту ев-врев, м-магию и к-колдунов. Дратся нужно!

– Очнулся... – пробормотал Андрей.

– Не подвел мой беозар! – горделиво заявил египтолог. – Все в порядке, господин полицейский?

– В порядке, – ответил Клюев, уже не заикаясь. – Я все ваши разговоры слышал. Пошевелиться не мог и глаза открыть не мог, а слух не потерял. Надо с чужаками разбираться. И кто они такие, черт побери?!

Бронштейн задумчиво покрутил трость:

– Судя по тому, как они действуют, магия для них привычнее, чем для вас резиновая дубинка и наручники. А это может означать только одно: мы с ними из разных миров.

– Бред... – начал было возражать ему Андрей, но осекся и прислонился лбом к холодной стенке, чтобы хоть немного успокоить мысли.

– И я, честно говоря, даже не знаю, какой из вариантов хуже, – продолжал Бронштейн. – Они ли начали сюда вторжение, воспользовавшись катастрофой, не побоюсь этих слов, планетарного масштаба, или же мы, вместе со всей деревней и большим куском нашего мира, перенеслись черт-те куда?

– Если переехали лишь Броды, то пора проситься в рабство к аборигенам, – уныло пробормотал Андрей, прислушиваясь к своему сердцу. Оно вроде бы уже немного отошло от встряски, устроенной ему миниатюрной шаровой молнией, но от таких новостей снова мучительно закололо. Да и дышать стало тяжелей. Хотя мазь египтолога, кажется, справилась с нарывами.

– Платовка тоже здесь, где бы мы сейчас ни находились, – заверил в существовании соседнего села Бронштейн. – Я со второго этажа ее телевышку видел.

– Уже легче, – вздохнул Клюев. – Ладно, я вроде очухался. Спасибо, Лев Николаевич, мы пойдем разбираться. А пневматическое ружье у вас случайно не завалялось?

– Увы...

– Жаль. Так, где мой меч? Андрей, ты что, его потерял?!

– Возле трупа оставил. По пути подберем...

– Секундочку, молодые люди! – Египтолог пошарил в сейфе и протянул Андрею и Евгению по крестику с петлей вместо верхнего конца. – Вот! Возьмите себе анки. Это лучшие из защитных амулетов, которые кое-как работали даже

до сегодняшнего утра. Сам подобный ношу. Они помогают во всем, пусть и по чуть-чуть. От заживления ран и до сопротивления гипнозу.

– Нормальная штука, – одобрил Ключев и заглянул в сейф. – Опа, а что это за сабля? Нету же лицензии на холодное оружие!

– Это не сабля, а кхопеш. Числится сувенирной поделкой, но остер как бритва и прочен, как лом! – Египтолог протянул полицейскому клинок, чье лезвие, начиная от середины, выгибалось и напоминало большой серп. – Древнеегипетское оружие, только сделано из современных материалов. В частности, пружинной стали, максимально чистого серебра и даже пары граммов обедненного урана. В молодости, когда я был весьма амбициозен, то предполагал, что в своем изучении древней магии могу столкнуться со злыми духами. Ну, или иными темными тварями. А потому обзавелся подобной игрушкой. И даже брал уроки фехтования. Не пригодилось в связи с практически полным исчезновением возможных противников. Но не выкидывать же было хорошую вещь?

– То есть против бродячих покойников на кладбище самое оно? – уточнил Ключев, вертя в руках диковинное оружие.

– По идее, да, – кивнул Бронштейн. – Испытывать, сам понимаешь, было не на ком. Так, травки-муравки, кварциты, сталагмиты... Эх, знал бы, что магические штуковины пригодятся, я бы тут такого заранее наделал... Но предвидеть даже на старости лет не получается. Ну, что, идем?

– И вы с нами? – удивился Ковальский желанию старика вновь лезть в гущу событий.

– Думаешь, эти типы, кем бы они ни были, оставят в покое мой большой красивый дом, к которому я прикипел всем сердцем? – ехидно осведомился Бронштейн. – Вот то-то и оно. Подобные иллюзии питать вредно для здоровья. И потом, я знаю несколько условно боевых древнеегипетских проклятий, действующих весьма оперативно. И просто жажду выяснить, как они теперь работают в изменившемся мире.

– Опа! – Евгений открыл входную дверь, но сразу же вернул ее назад, оставив лишь щелочку. – Смотрите, что там творится!

Обстановка перед сельсоветом изменилась кардинально. Во-первых, на площади вновь находились жители деревни, и было их гораздо больше, чем на собрании. Судя по всему, сюда согнали почти всех обитателей Бродов. Во-вторых, не меньше четверти их теперь были мертвыми. Как с ранами от холодного оружия, так и без. Таких было гораздо меньше, и погибли они, вероятно, от магии. Сельчан не только успели лишиться жизни, но и уложили в пирамидальный курган. Ну и в-третьих, на площади присутствовало не меньше полусотни захватчиков.

Толпу перепуганных и изрядно побитых людей прижали к ограде сельсовета высокие и крепкие на вид солдаты неведомой армии. Тускло блестели отполированным металлом кольчуги. Колыхались на ветру неуместные летом меховые плащи. В руках чужаки сжимали разнообразное холодное оружие. И еще там были два ездовых дракона, своими тушами перекрывавшие пленникам путь к побегу. Один из них уже появлялся на площади – поперек его седла до сих пор лежала связанная женщина. А всадник со своего необычного транспортного средства сошел. Прямо на курган из истекающих кровью трупов, к которому постепенно добавлялись все новые и новые тела. Несколько пришельцев, державшихся позади основной массы воинов, делали странные жесты. Повинуясь им, из толпы сельчан прямо по воздуху выплывала очередная отчаянно верещавшая жертва. Она приближалась к ужасному кургану, и при полете у нее вдруг появлялась смертельная рана. Причем, как с гневом отметил Ковальский, выбирали, в основном, либо детей, либо стариков.

– Апа! Апа! – один из живущих в деревне татар, которого звали Тимуром, бросился следом за своей бабушкой, обреченной на ужасную участь. Но стоило ему сделать три шага, как ближайший к нему воин почти без замаха метнул извлеченный непонятно откуда кинжал. Юноша упал на землю с холодной сталью в горле.

– Семь казней египетских я не осилю, – пробормотал Бронштейн, стискивая свою трость так, что его старческие пальцы побелели, словно у покойника. – Но одну, клянусь, найду на их головы. Даже если для этого придется заложить душу Сету, Ваалу, Тиамат и Дьяволу одновременно!

– Я тоже в стороне не останусь, – процедил Ключев, побагровев от бешенства.

Идти в лобовую атаку было бы геройством и идиотизмом одновременно. При таком численном перевесе троицу прикончили бы почти моментально. Но, судя по мрачному огню, разгоравшемуся в глазах полицейского, он намеревался устроить врагам настоящую вендетту при первом же удобном случае. И потому всматривался в лица будущих целей, стремясь их запомнить.

Предводитель налетчиков тем временем спокойным уверенным шагом взбирался на вершину пирамидальной груды из десятков трупов. В руках он нес копье с утолщением на последней трети, замотанным светлой тканью. Наконец, решив, что поднялся достаточно высоко, или просто побоявшись свалиться с такой неустойчивой платформы, мерзавец остановился. Вонзив острый конец своей ноши в чье-то тело, налетчик, залиvisto свистнув, преспокойненько начал воевать с завязками. Его ездовой зверь, с перепачканной свежей кровью мордой, встрепенулся и пополз к хозяину. Перед чудовищем поспешно расступались даже сами чужаки, видимо, не желая проверять степень умиротворенности и сытости монстра. Секунда – и на ветру заполоскалось снежно-белое полотнище с изображением цветов и перекрещенных мечей. Глубокий зычный голос чужака разнесся над площадью. Хоть слова и были незнакомы, смысл их непостижимым образом стал понятным всем.

– Слушайте внимательно, вы, грязные дикари! – Презрения в голосе налетчика могло бы хватить на палату в психиатрической лечебнице, куда помещают больных манией величия. – Мы посланцы Барона Виргидума Двенадцатого! Отныне и вовеки объявляем все эти земли покоренными и принадлежащими нашему сюзерену!

Хлопок. Вокруг чужака на секунду возник светящийся кокон. Вероятно, он отразил пулю из пневматического ружья. Еще хлопок – и дикий рев ослепшего на один глаз дракона перекрыл все остальные звуки. Вплотную приблизившийся к кургану из трупов зверь, намеревавшийся подзакусить мертвечиной, магией защищен не был. Опытные охотники могут убить белку попаданием в глаз, чтобы не испортить шкурку. Засевшая где-то рядом снайперша вряд ли сумела бы так. Но и цель у нее была куда более крупная – с тарелку. Раненая тварь взъярилась. Ее змееподобная туша извивалась, будто сломавшаяся китайская игрушка. Дракон расшвыривал ударами громадного хвоста всех, кто под него подворачивался, живых и мертвых. В основном, правда, последних. Но и один из палачей, казнивших жителей деревни не оружием, но чарами, отлетел в сторону и покатился по земле. Кокон, мгновенно окруживший его, возможно, и смягчил первые и самые жуткие удары, но потом замерцал

и пропал. С новым хлопком голова чужака дернулась, и из появившейся на виске дырки потекла струйка крови. Посланец какого-то там барона соскочил со своего ужасного постаментов и заревел чуть ли не громче рептилии. Смысл его слов, больше не сопровождавшихся автопереводом, был понятен всем: «Найти! Схватить! И покарать!»

Андрей наконец нащупал взглядом девичью фигурку. Надежда Шаповалова во весь рост стояла на крыше хранилища ГСМ и вела быструю стрельбу. И уже двое или трое вражеских солдат, защищенных только кольчугами, стали ее жертвами, получив пулю в голову. Да и второй дракон начал рычать и дергаться. Вероятно, его тоже пытались прикончить, да только в глаз не попали.

На то, чтобы отыскать источник своих проблем, у налетчиков ушло всего несколько секунд. Воздух проборождали несколько молний, комков огня, каких-то едва видимых сетей и прочей пакости явно чародейского происхождения. Хорошо хоть отважная девушка проявила благоразумие и мгновенно исчезла с открытого пространства. Должно быть, нырнула в люк, выходящий на крышу. Однако вряд ли это могло надолго отсрочить ее печальный конец. Не меньше половины налетчиков, вместе с предводителем и его ручным драконом, рванули к хранилищу, ворота которого были распахнуты. И, поскольку склад ГСМ не представлял собой лабиринт и подземных ходов не имел, вопрос поимки отважной снайперши мог считаться почти решенным.

Руки Андрея опять воспламенились, и он убрал пальцы с дверного косяка и умоляюще взглянул на египтолога:

– Лев Николаевич, придумайте что-нибудь! Вы же умнейший человек, вы же магию знаете! Что нам делать?

– Можно бы на кладбище пробраться и массовый подъем теней попробовать устроить, принеся друг друга в жертву, – как бы сам не веря своим словам, пробормотал Бронштейн. – В гробницах, которые я изучал, много внимания уделялось миру мертвых. И тому, как усопшие могут навредить живым. Не уверен, правда, что получится толково объяснить покойникам, кто напал на нашу деревню. Но они будут отличать своих от чужих, не трогая хотя бы тех, кого знали при жизни. Не лучший выход... однако больше ничего в голову не приходит. Но здесь нет черного хода, а отсюда нам не выйти – засекут.

– Не беда, в окно вылезем и вас на руках вынесем, – решил Клюев.

И тут же вскрикнул от боли, потому что захлопнувшаяся дверь прищемила ему пальцы. Раздался ужасный грохот, и ушедший из-под ног пол больно ударил Ковальского по лопаткам. Вылетели стекла, попадали люстры и даже шкафы. Этот взрыв был гораздо мощнее тех, что, казалось, произошли чуть ли не в другой жизни, этим утром.

– Что еще за катаклизм свалился на наши задницы? – простонал Евгений, поднимаясь с пола и трясая пострадавшими пальцами.

– Бензохранилище! – сообразил сидящий на полу Бронштейн, очумело крутя головой. – Да, топливо теперь не горит, но машины-то при попытках их завести взрываются! А значит, просто изменились условия, нужные для его детонации! Видимо, эта девочка догадалась, какие они теперь, и решила сыграть в камикадзе, заманив побольше врагов в ловушку! Скорей! Поднимите меня! Пока они не очухались, мы должны с ними расправиться!

Дальнейшие пять минут слились для Андрея в сплошную мешанину. Он шагал по площади перед сельсоветом, залитой кровью, покрытой телами и каким-то мусором. По одежде опознавал стонущих как своих или чужих. Если перед ним был чужак, следовал взмах топором, и Андрей шел дальше. Все мысли были направлены только на одно: быстрее! Пока имеющие преимущество в выучке и оружии налетчики не пришли в себя.

Глаза успевали выхватывать фрагменты того, что творилось вокруг.

Лишившийся наездника дракон с переломанными крыльями пытался зубами вытащить из своего длинного тела какую-то темную штуковину. Кажется, кусок строительной балки, пронзившей бок твари. Ящер не обращал внимания на окружающий мир и истекал водопадом черной жидкости. Двое сельчан изо всех сил стискивали горло солдата, похоже, уже давно мертвого. Но они все равно не могли разжать пальцы и переключиться на другую цель. Чужак не в кольчуге, а в латах, покрытых непонятными узорами, буквально танцевал с мечом, умелыми движениями пластуя пытавшихся окружить его жителей деревни. С клинка срывались водопады синего пламени, оно причиняло ожоги и не давало расправиться с налетчиком. Но тут ему в ноги вцепился какой-то мальчуган. Владелец волшебного меча упал, и тут же его буквально разорвали

на части. А вот будто облитый жидким азотом участок, посреди которого грузчик из местного магазина кулаками разбивал обледеневших чужаков на кусочки. Такой же, как Бронштейн, дальний родственник Андрея, дядя Паша, лежал с проломленным обломком кирпича черепом. Оглушенный похожим снарядом, только немного другой формы, чужак, которого спас шлем. Железный колпак зазвенел по асфальту площади, после того как шею лежавшего раздробил колун Андрея.

А здесь асфальт превратился в песок, и оттуда торчат шесть или семь рук. На одной блестит обручальное кольцо. Татарин, отец погибшего Тимура, лежит, обнявшись с одним из налетчиков. Лишившийся наследника и матери мужчина вытащил из-за пояса врага нож и вонзил его куда надо, но не избежал ответного удара меча. Клюев вогнал египетский клинок в чью-то подмышку. Группа из пятерых солдат, зачем-то подошедших друг к другу. Ее Андрей уничтожил своим пламенем...

Лев Николаевич склонился над вражеским магом и водил тростью над его лицом. Враг стремительно высыхал, нет, даже не так, заживо мумифицировался. Другой кудесник убегал прочь, делаясь невидимым. До него не добраться, слишком далеко. Внезапно вылезшие из земли корни дерева начали душить избавившегося от занозы в боку дракона, а пасть его пережевывала кого-то, еще хрипящего на русском языке просьбу о помощи. Трупы. Трупы. Трупы. Одни лишь трупы.

Ковальский добрался до кургана из тел тех, кого налетчики по какой-то причине сочли недостойными жизни. Внезапно все вокруг поплыло, и он осел на асфальт...

Глава 3

– Лев Николаевич, ну, как он? – сквозь сон услышал Андрей голос Клюева.

– Пока вроде живой...

Автомеханик открыл глаза. Возле кровати стоял участковый, держа в руке авоську с продуктами. На поясе у него висел кхопеш.

- Да, я живой, - подтвердил Ковальский.

С момента эпохальной битвы в деревне Броды прошло уже два дня, а его до сих пор не выпускали из импровизированного госпиталя. Туда он угодил, словив полноценное проклятие одного из последних выживших налетчиков. Как именно оно работало, никто объяснить не мог. Но периодически автомеханик забывал, кто он, где он, что должен делать, как нужно управлять своим телом или говорить. Или все это одновременно. Всех тех, кто сильно пострадал в схватке, перетащили в большой подвал Бронштейна. Туда принесли раскладушки, и теперь египтолог пытался лечить раненых при помощи заговоров, амулетов и препаратов, которые он делал на основе меда и каких-то травок. Хотел было еще и поселковую медсестру подключить, но оказалось, что ее скормили дракону за попытку демонстративно качать права. Вряд ли, конечно, чужаки поняли слова женщины, но им и интонации хватило, чтобы сразу перейти к публичной казни.

От других пострадавших Андрея отделяла простыня, повешенная на веревку. Впрочем, звуки она не задерживала, и в уши Ковальскому постоянно вкручивался тихий гул, который создавали несколько десятков человек, лежащих на излечении. Свет в помещении давали старомодные восковые свечи, тихой сапой свистнутых хозяйственным историком не иначе как из закровов расположенной у сельсовета часовенки.

Клюев сел на табуретку, а Бронштейн деловито сказал:

- Так, я пошел новую порцию обезболивающих микстур на основе конопли размешивать. Лучше бы, конечно, опиаты использовать, но не сезон.

- Не то чтобы очень нуждался в ответе, но все же, где вы ее берете? - поинтересовался лейтенант. - Обещаю, никому не скажу, а то вытопчут ведь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/myasoedov_vladimir/te-kogo-ispugayutsya-tvari

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)